

О притворности сделки свидетельствует совокупность обстоятельств, связанных с ее заключением и исполнением

Постановление ФАС СКО от 03.04.2013 по делу № А53-27791/2011

По смыслу ст. 170 Гражданского кодекса РФ притворные сделки направлены на то, чтобы скрыть действительную волю сторон. В такой ситуации о притворности свидетельствует не столько содержание договора, сколько совокупность обстоятельств, связанных с его заключением и исполнением. Цель — прикрыть истинную сделку — может достигаться как оформлением одного договора, так и составлением нескольких сделок. При совершении притворной сделки имеет место несовпадение сделанного волеизъявления с действительной волей сторон; в случае заключения притворной сделки целью сторон является достижение определенных правовых последствий. При этом воля сторон направлена на установление между ними гражданско-правовых отношений, но иных по сравнению с выраженными в их волеизъявлении.

Гражданин П. обратился в арбитражный суд с иском к ООО № 1, ООО № 2 и ООО № 3 о признании договора об оказании информационных услуг и договора аутсорсинга, заключенных ООО № 2 и ООО № 1, недействительными, как совершенных с нарушением требований законодательства об одобрении крупных сделок, и (на основании ст. 170 ГК) притворными сделками; о признании договора купли-продажи, заключенного ООО № 2 (в интересах комитента — ООО № 1) и ООО № 3, недействительным, как совершенного с нарушением требований законодательства об одобрении сделок с заинтересованностью, и (на основании ст. 170 ГК) притворной и мнимой сделкой; о применении последствий недействительности сделки купли-продажи в форме взыскания с ООО № 3 в пользу ООО № 1 денежных средств в сумме 14 млн руб.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, в иске отказано. Суды пришли к выводу о том, что договор об оказании информационных услуг и договор аутсорсинга не являются взаимосвязанными, поэтому не могут быть признаны единой крупной сделкой. ООО № 1 не является стороной договора купли-продажи, следовательно, его участник (истец) не вправе оспаривать данную сделку. Признаки притворности и мнимости оспариваемых сделок судом первой инстанции не установлены. Доводы истца о завышении цены оказываемых ответчиком услуг отклонены судом со ссылкой на положения ст. 421 ГК о свободе договора.

Окружной суд отменил решение и постановление и направил дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции исходя из следующего.

Из материалов дела видно и судами установлено, что участниками общества являются гражданин К. (с долей в размере 38,25% уставного капитала общества) и истец (с долей в размере 61,75%).

ООО № 1 (заказчик) и ООО № 2 (исполнитель) заключили договор на предоставление информационных услуг, по которому исполнитель принял на себя предоставление информационного продукта, предназначенного для мониторинга товарного рынка запасных частей для автомобилей. В договоре определено, что стоимость услуг по договору составляет 14 млн руб., оплата выполненных работ производится в течение пяти дней после подписания сторонами акта сдачи-приемки выполненных работ и выставления счета на оплату. Стороны договорились об обеспечении обязательств по оплате выполненной работы в виде залога имущества, принадлежащего заказчику.

В исполнение условий данного договора ООО № 1 (залогодатель) и ООО № 2 (залогодержатель) подписали договор залога, по которому первый передал в залог второму товары в обороте, принадлежащие залогодателю на праве собственности, в обеспечение надлежащего исполнения обязательств по договору предоставления информационных услуг.

19 марта 2010 г. ООО залогодатель и залогодержатель заключили соглашение о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество, где определили порядок реализации предмета залога — посредством его продажи по договору комиссии, заключенному между залогодателем (комитентом) и залогодержателем (комиссионером), который впоследствии заключает договор купли-продажи предмета залога с третьим лицом.

Комитент и комиссионер заключили договор комиссии, по условиям которого последний обязался по поручению комитента за вознаграждение совершить от своего имени, но за счет комитента, одну или несколько сделок по реализации предмета залога — товаров в обороте (деталей и комплектующих частей автомобилей).

Исполняя принятые на себя обязательства по договору комиссии, ООО № 2 (продавец), являющийся залогодержателем товара, на который обращено взыскание, заключил с ООО № 3 (покупателем) договор купли-продажи, по которому обязался передать ему в собственность товар (детали и комплектующие части автомобилей), а покупатель обязался принять этот товар и уплатить за него согласованную сторонами цену.

ООО № 1 (заказчик) и ООО № 2 (исполнитель) в целях оптимизации функционирования заказчика заключили договор аутсорсинга, в соответствии с условиями которого исполнитель обязался предоставлять заказчику услуги по осуществлению правового обеспечения финансово-хозяйственной деятельности налогового учета заказчика, юридического консультирования по вопросам гражданского, трудового и административного законодательства, ведение дел в судах. Стороны согласовали, что стоимость услуг определяется в зависимости от эффективности ведения основной деятельности заказчика и рассчитывается в размере 10% от суммы товарооборота за каждый месяц. Стороны ежемесячно

оформляют акт выполненных работ, который фиксирует сумму товарооборота по данным оперативного учета, подписывается сторонами и является основанием выставления счета на оплату.

Отказывая в удовлетворении иска, суды исходили из следующего.

Согласно п. 1 ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) крупной сделкой является сделка (несколько взаимосвязанных сделок) (в том числе заем, кредит, залог, поручительство), связанная с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов стоимости имущества общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о совершении таких сделок, если уставом общества не предусмотрен более высокий размер крупной сделки. В силу п. 2 ст. 46 данного Закона для целей названной статьи стоимость отчуждаемого обществом в результате крупной сделки имущества определяется на основании данных его бухгалтерского учета, а стоимость приобретаемого обществом имущества — на основании цены предложения.

В соответствии с п. 2 и 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.03.2001 № 62 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением хозяйственными обществами крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» при решении вопроса об отнесении сделки к крупной необходимо сопоставлять стоимость имущества, являющегося предметом сделки, с балансовой стоимостью активов общества, а не с размером его уставного капитала. При определении балансовой стоимости активов общества на дату принятия решения о совершении крупной сделки учитывается сумма активов по последнему утвержденному балансу общества без уменьшения ее на сумму долгов (обязательств).

Судами установлено, что на момент заключения договора на предоставление информационных услуг стоимость активов общества составляла 59 943 тыс. руб., в то время как исполнение указанного договора связано с возможностью отчуждения имущества общества в размере 14 млн руб., что составляло менее 25% балансовой стоимости активов общества. Таким образом, суды пришли к выводу, что оспариваемая сделка не являлась для общества крупной, поэтому одобрения общим собранием участников на ее заключение не требовалось.

По договору аутсорсинга с апреля по сентябрь 2010 г. исполнитель оказал заказчику услуги на общую сумму 12 683 523 руб. Данная сделка также не являлась крупной для общества.

Суды отклонили довод истца о взаимосвязанности оспариваемых сделок, так как пришли к выводу об отсутствии оснований признать их единой крупной сделкой, поскольку сделки совершены не одновременно (10 февраля и 1 марта 2010 г.), каждая из сделок имеет различный предмет, порождает самостоятельные права и обязанности и расторжение одного договора не влечет расторжение другого.

Оспариваемый договор купли-продажи от 01.04.2010 заключен между ООО № 2 (продавец) и ООО № 3 (покупатель) во исполнение сделок залога и комиссии.

Суды указали, что заключенный ООО № 1 (залогодатель) и ООО № 2 (залогодержатель) договор от 10.02.2010 залога товаров в обороте стоимостью 14 000 339 руб. 93 коп. и соглашение между указанными лицами о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество, предусматривающие реализацию предмета залога посредством его продажи по договору комиссии заключенному между залогодателем (комитент) и залогодержателем (комиссионер), который впоследствии заключает договор купли-продажи с третьим лицом, а также договор комиссии между указанными лицами не оспорены, недействительными не признаны, признаки ничтожности отсутствуют.

Отказывая в удовлетворении требования о признании договора купли-продажи недействительным, суды исходили из положений п. 5 ст. 45 Закона об ООО, в соответствии с которым истец не вправе оспаривать данный договор как сделку с заинтересованностью, поскольку ООО № 1 не является стороной этого договора.

Суды пришли к выводу, что истец не подтвердил нарушения прав и законных интересов участника общества в результате заключения спорных сделок, так как наличие неблагоприятных последствий для общества именно в результате заключения оспариваемых договоров не доказано, поскольку по состоянию на 31 декабря 2009 г. размер активов ООО № 1 составлял 59 943 тыс. руб., а по данным баланса на 31 марта 2010 г. (после их совершения) — 62 434 тыс. руб.

Ссылка истца на то, что оспариваемые договоры в силу п. 2 ст. 170 ГК являются притворными сделками, поскольку прикрывают дарение и совершены с целью причинить вред другому лицу, отклонена судами в связи с тем, что условия договоров соответствуют требованиям норм гражданского законодательства, регулирующих обязательства по договорам оказания услуг и купли-продажи и содержат все существенные условия для этих договоров, а утверждение о завышенной цене оказываемых услуг и стоимости информационного продукта не является основанием для признания сделок недействительными.

Вместе с тем, отказывая в удовлетворении иска, суды не учли следующего.

В соответствии с положениями ст. 9 и 10 ГК граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. При этом они должны действовать добросовестно и разумно.

По смыслу ст. 170 ГК притворные сделки направлены на то, чтобы скрыть действительную волю сторон. В такой ситуации о притворности свидетельствует не столько содержание договора, сколько совокупность обстоятельств, связанных с заключением и исполнением договора. Цель — прикрыть истинную сделку — может достигаться как оформлением одного договора, так и составлением нескольких сделок.

При совершении притворной сделки имеет место несовпадение сделанного волеизъявления с действительной волей сторон; в случае заключения притворной сделки целью сторон является достижение определенных правовых последствий, при этом воля сторон направлена на установление между сторонами сделки гражданско-правовых отношений, но иных по сравнению с выраженными в волеизъявлении сторон.

Суды, несмотря на доводы истца о притворности сделок, не оценили в совокупности действия сторон, заключение последующих договоров купли-продажи на предмет их соответствия ст. 170 ГК, не установили, являются ли совершенные сделки составляющими единой сделки, направленной на полное отчуждение основных средств общества.

Выводы судов сделаны без учета установленных арбитражным судом по другому делу обстоятельств возбужденного дела о банкротстве общества, наличия в нем корпоративного конфликта, представленных в материалах дела истцом отчетов об определении рыночной стоимости выполненных по спорным договорам работ.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды, в нарушение требований ст. 170 и 271 Арбитражного процессуального кодекса РФ, не дали правовую оценку доводу истца о злоупотреблении правом при заключении оспариваемых сделок.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции счел, что выводы судов сделаны без оценки всех совершенных сделок в их совокупности и взаимной связи, а также их возможной направленности на вывод имущества из активов общества.

**Тузов
Даниил
Олегович,**

профессор кафедры
гражданского права
СПбГУ,
доктор юридических
наук

КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТОВ

Окружной суд, на мой взгляд, верно подошел к проблеме определения притворного характера сделки, совершенно обоснованно указав, что о притворности свидетельствует не столько содержание договора, сколько совокупность обстоятельств, связанных с его заключением и исполнением. Действительно, ни соответствие условий договора требованиям гражданского законодательства, ни согласованность всех его существенных условий, т.е. те обстоятельства, на основании которых суд первой инстанции и апелляционный суд отклонили ссылку истца на притворность заключенных ООО № 1 договоров, отнюдь не исключали последней. Более того, по-видимому, следует полагать, что чем более стороны стремятся прикрыть действительные отношения между ними, тем тщательнее прорабатывают они содержание притворной сделки, дабы придать ей как можно больше правдоподобия и максимально исключить возможность признания ее недействительной (незаключенной) по основаниям, относящимся к ее содержанию. И, конечно же, поверхностен вывод судов о том, что завышенность цены дого-

вора не является основанием для признания сделок недействительными. Сама по себе, разумеется, не является. Однако наряду с иными обстоятельствами она как раз может свидетельствовать о притворности договора.

Оценив рассматриваемое постановление по существу, хотелось бы остановиться на некоторых деталях дела.

Из фактуры видно, что истец квалифицировал сделки между обществами как ничтожные сразу по двум основаниям: совершение без одобрения (как крупных сделок) договора об оказании информационных услуг и договора аутсорсинга и одновременно их притворность; совершение без одобрения (как сделки с заинтересованностью) договора купли-продажи и одновременно его притворность и мнимость. Квалификация одной сделки по разным основаниям недействительности возможна, но лишь тогда, когда эти основания не исключают друг друга и, кроме того, обуславливают одинаковые правовые последствия — или ничтожность, или оспоримость. Ибо в противном случае будет иметь место порок либо в основании иска (так как приводимыми истцом обстоятельствами может подтверждаться лишь одно из взаимоисключающих оснований), либо в его предмете (получается, что истец одновременно требует и констатации судом ничтожности сделки, осуществляемой установительным решением, и ее аннулирования конститутивным решением). Между тем такие основания, как притворность и мнимость, на которые указал истец применительно к договору купли-продажи, являются явно взаимоисключающими: сделка не может быть совершена в одно и то же время и с целью прикрыть другую сделку, и без намерения создать вообще какие-либо правовые последствия. Различаются основания недействительности, приведенные истцом, и по их последствиям: в соответствии с п. 5 ст. 46 и п. 5 ст. 45 Закона об ООО совершенные обществом крупные сделки и сделки с заинтересованностью без их одобрения в установленном порядке являются оспоримыми, в то время как мнимые и притворные сделки ничтожны (ст. 170 ГК).

Другой аспект ситуации — проблема квалификации сделок как взаимосвязанных. Отказываясь признать взаимосвязанность договора об оказании информационных услуг и договора аутсорсинга, суды руководствовались, как представляется, ненадлежащими критериями: неодновременность совершения сделок, различные предметы каждой из них, порождение ими самостоятельных прав и обязанностей, а так же тот факт, что расторжение одного из этих договоров не влечет расторжения другого. Ни одно из этих обстоятельств — взятых как самих по себе, так и в совокупности — не может свидетельствовать ни в пользу, ни против взаимосвязанности.

В судебной-арбитражной практике уже сложился довольно единообразный подход к установлению взаимосвязи между сделками, который нашел отражение в правовой позиции ВАС РФ: «...совокупность таких признаков, как преследование единой хозяйственной цели при заключении сделок, общее хозяйственное назначение проданного имущества, консолидация всего отчужденного по сделкам имущества в собственности одного лица, может служить основанием для квалификации сделок как взаимосвязанных» (Постановление Президиума

ВАС РФ от 22.09.2009 № 6172/09). Эта правовая позиция находит применение и в текущей судебно-арбитражной практике¹.

Несмотря на то, что в анализируемом деле в конечном счете имела место консолидация денежных средств, полученных по двум договорам о возмездном оказании услуг, у одного лица (ООО № 2), общая хозяйственная цель этих договоров (как об этом можно было судить из их текста) в понимании, сложившемся в арбитражно-судебной практике, все же, по-видимому, отсутствовала. С другой стороны, если обе сделки рассматривать как притворные, прикрывающие иную сделку, то их единая хозяйственная цель, полагаю, налицо и определяется прикрываемой сделкой. Поскольку притворные сделки ничтожны уже сами по себе, смысл их квалификации в качестве одной крупной сделки с целью ее оспаривания отпадает. Однако этого нельзя сказать о прикрываемой сделке. К такой сделке применяются относящиеся к ней правила (п. 2 ст. 170 ГК), поэтому она может быть как недействительной, так и вполне действительной, а значит, при соответствующих обстоятельствах вопрос о соблюдении при ее совершении положений законодательства о крупных сделках был бы правомерным. Однако в рассматриваемой ситуации, если бы был доказан притворный характер двух договоров и фактически безвозмездность отчуждения денежных средств ООО № 1, речь должна была бы идти о дарении, на что и указывал истец. Дарение же в отношениях между коммерческими организациями не допускается (подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК) и является ничтожным (в том числе и в соответствии с новой редакцией ст. 168 ГК, поскольку не только нарушает требования закона, но и посягает при этом на права и охраняемые законом интересы третьих лиц, в данном случае — участников общества-дарителя).

Что касается договора купли-продажи, то он, действительно, не может рассматриваться в совокупности с договорами о возмездном оказании услуг в качестве одной из взаимосвязанных сделок с целью их квалификации в качестве крупных или с заинтересованностью: как верно отметили нижестоящие суды, ООО № 1 не является его стороной, в то время как оспаривать сделку как крупную или с заинтересованностью может лишь общество, которое совершило сделку (или его участник). Полагаю, это правило должно применяться и к каждой из сделок, составляющих совокупность взаимосвязанных сделок. Кроме того, вопрос о наличии у покупателя (ООО № 3) общей цели с ООО № 1 и ООО № 2, по-видимому, судами не ставился и не решался. Не исключено, что это было совершенно постороннее лицо, которому намерения двух обществ были чужды.

Наконец, трудно определенно оценить указание окружного суда на то, что нижестоящие суды не дали правовую оценку доводу истца о злоупотреблении правом при заключении оспариваемых сделок. Типичным правовым последствием злоупотребления правом является отказ в его защите судом (ст. 10 ГК), а не недействительность сделки. Каким образом истец в своей аргументации связывал факт злоупотребления правом с требованием о признании договоров недействительными — об этом из вынесенного постановления судить нельзя.

¹ См., напр.: Определение ВАС РФ от 24.01.2011 № ВАС-15749/10; постановления ФАС Волго-Вятского округа от 15.03.2010 по делу № А43-780/2009; ФАС Уральского округа от 24.02.2011 по делу № А47-3024/2010.

**Костин
Александр
Алексеевич,**

юрист юридической
компании
«Хренов и Партнеры»

В указанном деле основным аргументом для возвращения на новое рассмотрение послужило то обстоятельство, что нижестоящие суды не оценили довод истца о том, что сделки, заключенные между ООО № 1 и ООО № 2, а также ООО № 2 и ООО № 3 представляют собой «единую совокупность сделок, направленную на выведение основных активов общества».

Подобная квалификация была бы справедлива в том случае, если договор между ООО № 1 и ООО № 2 и договор между ООО № 2 и ООО № 3 являлись притворными сделками, прикрывающими отношения дарения между сторонами. В соответствии с разъяснениями ВАС РФ, о намерении сторон прикрыть фактические отношения дарения свидетельствуют следующие обстоятельства: намерение передать определенное имущество безвозмездно (Информационное письмо ВАС РФ от 30.10.2007

№ 120) и отсутствие мотивов у сторон для совершения сделки (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104).

В связи с этим суд первой инстанции, рассматривая вопрос о недействительности договора на оказание информационных услуг между ООО № 1 и ООО № 2 по мотиву его притворности должен установить следующие факты: оказывало ли ООО № 2 определенные информационные услуги ООО № 1? каково было содержание данных услуг/трудозатраты ООО № 2 на их оказание? каким образом оказанные услуги соотносятся с основной деятельностью ООО № 1?

В том случае, если ООО № 2 действительно оказало определенные услуги по данному договору, то оснований для признания договора на оказание информационных услуг между ООО № 1 и ООО № 2 ничтожным по причине его притворности нет.

При этом в рассматриваемом деле отсутствует какая-либо информация о стоимости, по которой были отчуждены автомобили по договору купли-продажи между ООО № 2 и ООО № 3. В том случае, если она не была настолько мала, чтобы рассматривать данную сделку как безвозмездную передачу, основания для признания договора купли-продажи автомобилей между ООО № 2 и ООО № 3 мнимой сделкой, прикрывающей фактические отношения дарения, отсутствуют.

Хотелось бы обратить внимание, что если договор купли-продажи между ООО № 2 и ООО № 3 не является притворной сделкой, прикрывающей дарение, истец в соответствии с ст. 302 ГК и Постановлением Конституционного Суда от 21.04.2003 № 6-П должен был заявить не требование к ООО № 3 о применении последствий недействительности сделки, но виндикационный иск.

Таким образом, лишь в том случае, если нижестоящие суды установят, что ООО № 2 фактически не оказывало никаких услуг ООО № 1, а стоимость автомоби-

лей по договору купли-продажи между ООО № 3 и № 2 была крайне незначительна, возможно говорить о том, что указанные сделки представляют собой «единую совокупность сделок, направленную на выведение основных активов общества».

**Радченко
Сергей
Дмитриевич,**

старший юрист
адвокатского бюро
«Юг», кандидат
юридических наук

Из обстоятельств этого дела совершенно ясно видно, что был сделан обычный вывод активов.

Между заказчиком и исполнителем подписывается договор на оказание достаточно банальных информационных услуг по цене, явно не соразмерной их экономической ценности (14 млн руб.). В тот же день исполнение обязательств заказчика по оплате обеспечивается залогом товаров в обороте, что, вообще говоря, крайне необычно для подобного рода договоров. Через месяц и девять дней подписывается соглашение о внесудебном обращении взыскания на залог (видимо ждали, пока за заказчиком формально возникнет долг по оплате), а еще через десять дней — договор комиссии на реализацию залога. Стоимость залога составляет 23,5% от баланса заказчика (как будто авторы схемы специально подгоняли ее так, что стоимость была близка к 25%, но

не выше; впрочем, не страшно: недостающую сумму выводимых активов — 12 683 523 руб. — добрали на отдельном договоре аутсорсинга).

Имущество выводится в компанию, созданную директором заказчика, и имеющую с заказчиком подозрительное сходство в наименовании. Исполнитель (ООО «Инфо-Маркет») — типичный посредник-прокладка с совершенно безликим названием, который почти из суда не получает и в заседаниях не участвует, хотя, казалось бы, в его интересах всеми силами отстаивать законность оспариваемых сделок.

Несмотря на все это суды первой и апелляционной инстанций в иске отказывают. Суды не видят в оспариваемых сделках крупности, мнимости и притворности, отрицают право истца оспаривать по мотиву заинтересованности договор купли-продажи и взаимосвязь договоров на предоставление информационных услуг и аутсорсинга. При оценке экономических последствий оспариваемых сделок первая инстанция и апелляция размер активов сравнивают почему-то на даты не до и после отчуждения имущества (т.е. на 31 декабря 2009 г. и 1 апреля 2010 г.), а на даты более ранние, обе предшествующие отчуждению имущества, — на 31 декабря 2009 г. и 31 марта 2010 г.

Необходимо также отметить и слабость в позиции истца. Здесь действительно нет мнимости, а притворность разве что в том, что сделки по отчуждению могут прикрывать дарение, но из судебных актов не видно, как конкретно истец обосновывал притворность, а суды никак не сопоставляют стоимость отчужденных

активов с реальной стоимостью того, что получил заказчик взамен. Истец по непонятной причине не оспаривает договоры залога и комиссии, а также соглашение о внесудебном обращении взыскания на заложенное имущество, хотя имущество уходило именно на основании этих сделок.

В постановлении ФАС СКО, которым судебные акты были отменены с возвратом дела на новое рассмотрение, было совершено верно, на наш взгляд, обращено внимание на то, что все сделки необходимо оценивать в целом с учетом их общей цели, обстоятельств, установленных в деле о банкротстве заказчика, наличия корпоративного конфликта, оценить действия ответчиков на соответствие запрету злоупотребления правом. Также окружной суд верно указал на то, что конечный покупатель является заинтересованным лицом по отношению к заказчику и это может означать, что наличие между ними посредника — ООО «Инфо-Маркет» — не исключает оценки их отношений с точки зрения норм о сделках с заинтересованностью.

При пересмотре суд первой инстанции повторно отказал в иске, почти полностью проигнорировав указания ФАС СКО и дополнив свою аргументацию лишь обоснованием отсутствия в действиях ответчиков злоупотребления правом. Сейчас дело в апелляции.

На наш взгляд, данные сделки могли бы эффективно оспариваться внешним или конкурсным управляющим в порядке главы III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». С 1 сентября 2010 г. действует норма ГК, позволяющая в аналогичной ситуации также оспаривать сделку по причине ее заключения в ущерб интересам компании (п. 2 ст. 174), но она действует только в отношении сделок, заключенных после 1 сентября 2013 г.